

ЭДВИН
ЛЕФЕВР

ВОСПОМИНАНИЯ
БИРЖЕВОГО
СПЕКУЛЯНТА

Эдвин Лефевр Воспоминания биржевого спекулянта

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22563922

Воспоминания биржевого спекулянта: Попурри; Минск; 2016

ISBN 978-985-15-3036-2

Аннотация

Эта художественная биография, пожалуй, одного из самых величайших в истории финансовых гениев, Джесси Ливермора, рассказывает всю правду о психологии рынков, инвестиций и биржевой игры. Для широкого круга читателей.

Содержание

Глава I	5
Глава II	26
Глава III	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Эдвин Лефевр

Воспоминания

биржевого спекулянта

© 1923 by George H. Doran Company

© ООО «Попурри», 2016

Посвящается Джесси Лауристону Ливермору

Глава I

Работать я начал, едва закончив семилетку. Мне удалось найти место в брокерской конторе. Я всегда был силен в цифрах и в школе сумел за год пройти трехлетний курс арифметики. Особенно хорошо я считал в уме. Моя работа заключалась в том, чтобы писать текущие биржевые котировки мелом на огромной доске в торговом зале. Обычно один из клиентов сидел рядом с телеграфным аппаратом и зачитывал котировки. Не бывало такого, чтобы я не успевал записывать. У меня всегда была хорошая память на числа. В этом смысле никаких проблем не возникало.

В конторе работало много других служащих. Разумеется, кое с кем из них я сдружился, но, когда на бирже дела шли достаточно активно, я был настолько занят с десяти до трех, что поболтать времени просто не оставалось. Впрочем, меня это не слишком угнетало. Работа есть работа.

Она занимала все мои мысли. Я не воспринимал котировки как стоимость акций — столько-то долларов за штуку. Для меня это были просто цифры. Конечно, они что-то значили. Котировки постоянно менялись. Только сам факт этой удивительной изменчивости и был для меня интересен. Почему цифры постоянно менялись? Этого я не знал. Да и какая разница? Я об этом не думал. Я просто видел, что это происходит, и по пять часов кряду в будние дни и два часа по

субботам думал лишь об одном: о том, что они постоянно меняются.

Вот так я впервые заинтересовался поведением биржевых цен. У меня, как я уже сказал, была прекрасная память на числа, и я помнил в деталях, как вели себя цены накануне, перед тем как начинали расти или падать. Моя любовь к устному счету пришлась здесь весьма кстати.

Я заметил, что и в своем росте, и в снижении котировки акций обычно демонстрировали определенные привычки, так сказать, закономерности. Я то и дело замечал те или иные параллели и мог ориентироваться на уже имевшие место прецеденты. Мне было всего четырнадцать, но даже моего опыта наблюдений за поведением акций было достаточно, чтобы убедиться в достоверности наблюдаемых закономерностей, сравнивая колебания котировок в разные дни. Довольно скоро я мог предугадывать движение цен. Моим единственным ориентиром при этом, как я уже сказал, были их предыдущие колебания. Всю необходимую информацию я держал в голове. Это было сродни игре на бегах. Я высматривал акции, которые «набирали форму», и «хронометрировал» их. Ну, вы понимаете, что я имею в виду.

Например, можно засечь момент, когда покупка лишь чуть выгоднее продажи. На бирже идет сражение, и лента, выходящая из телеграфного аппарата, – тикерная лента – служит подзорной трубой, через которую вы можете наблюдать за происходящим. На нее можно положиться в семи слу-

чаях из десяти.

Я рано усвоил еще один урок: на Уолл-стрит ничего принципиально не меняется. Ничего нового и быть не может, потому что спекуляция стара, как мир. Что происходит на бирже сегодня, то уже много раз бывало прежде и еще много раз повторится в будущем. И каждое событие на бирже запечатлевается в моей памяти. Если постараться, я всегда могу вспомнить, что, когда и при каких обстоятельствах произошло. Память помогает мне получать прибыль со своего главного капитала – собственного опыта.

Я настолько увлекся своей игрой и с таким азартом старался предугадывать рост и падение курсов активных акций, что даже завел специальный блокнот и записывал туда свои наблюдения. Это не было дневником воображаемых сделок на миллионы долларов, чем забавы ради развлекают себя многие, не рискуя ни разбогатеть, ни разориться. Это был, скорее, дневник, где я фиксировал свои попадания и промахи. Больше всего меня интересовала точность моих наблюдений и оценок: прав я был или нет.

Скажем, изучив колебания котировок активных акций за день, я делал вывод, что цены ведут себя в точности так, как всегда вели себя перед скачком на 8–10 пунктов. Тогда я, скажем, в понедельник записывал в свой дневник текущую стоимость определенных акций и, памятуя об их прежнем поведении, прогнозировал, сколько эти акции будут стоить во вторник и в среду. А потом уже сравнивал свои догадки с

теми реальными цифрами, которые доставлял биржевой телеграф.

Этим и объясняется возникший у меня интерес к сообщениям биржевого телеграфа. Колебания котировок, о которых сообщала тикерная лента, с самого начала ассоциировались у меня с движением вверх или вниз. Разумеется, у этих колебаний всегда есть причины, но тикерная лента не отвечает на вопросы зачем и почему. Она не вдается в объяснения. Я не спрашивал ленту о причинах, когда мне было четырнадцать, не спрашиваю и сейчас, когда мне сорок. Могут пройти дни, недели, месяцы, прежде чем станут ясны причины, по которым какие-то акции вели себя сегодня так, а не иначе. Но какая, к черту, разница? Реагировать на колебания котировок нужно сегодня, а не завтра. Выяснение причин может подождать. Действовать нужно немедленно, или тебя опередят. Об этом говорили мои ежедневные наблюдения. Например, запоминаешь, что сегодня акции такой-то компании почему-то пошли вниз на три пункта, в то время как в целом на рынке наблюдался резкий рост. Это факт. А в следующий понедельник выясняется, что правление компании решило не выплачивать дивиденды. А вот уже причина. Директора знали, что делали, и если даже сами не сбрасывали акции своей компании, то уж точно не скупали их. Поскольку инсайдерской купли акций не было, оставшиеся без поддержки акции просто не могли не упасть.

Так я продолжал делать записи в течение полугода. Когда

рабочий день заканчивался, я, вместо того чтобы спешить домой, выписывал интересовавшие меня цифры и изучал изменения, всегда выискивая возможные повторения, поведенческие параллели; в сущности, я учился читать тикерную ленту, хотя тогда и сам этого не сознавал.

Однажды во время обеденного перерыва ко мне подошел один из моих коллег – он был постарше меня, – и тихо спросил, есть ли у меня свободные деньги.

– Почему ты спрашиваешь? – ответил я вопросом на вопрос.

– Дело в том, – сказал он, – что у меня есть шикарная наводка на акции Burlington. Я сыграл бы, если бы кто-нибудь составил мне компанию.

– Что значит «ты сыграл бы»? – удивленно спросил я. Тогда мне казалось, что играть в такие игры могут только наши клиенты – старые жулики с кучей денег. Ведь для того, чтобы войти в эту игру, нужно иметь сотни, если не тысячи долларов. Для меня это было так же недостижимо, как иметь собственный экипаж и кучера в шелковом цилиндре.

– То и значит! Сколько у тебя есть?

– А сколько нужно?

– Есть возможность получить пять акций, вложив пять долларов.

– И как ты собираешься это сделать?

– Я хочу купить в бакет-шопе столько акций Burlington, сколько мне позволят за те деньги, которые я внесу в каче-

стве залоговой маржи. Это верняк! Это все равно что найти кошелек и подобрать его. Мы в один миг удвоим наши денежки.

— Погоди-ка, — сказал я и вытащил свой секретный блокнотик.

Меня заинтересовала не возможность удвоить деньги, а то, что мой коллега сказал насчет роста акций Burlington. Если он прав, мои записи должны это подтвердить. И действительно, согласно моим расчетам, акции Burlington вели себя так же, как и всегда перед подъемом курса. До этого случая я никогда ничего не продавал и не покупал. Я вообще не играл в азартные игры, даже в их детские разновидности. Но чувствовал, что это превосходный шанс проверить точность моих прогнозов. Я понимал, что если мои расчеты не оправдаются на практике, значит, вся теория гроша ломаного не стоит. Поэтому отдал коллеге все свои деньги, и он отправился в один из ближайших бакет-шопов, где на все деньги купил акции Burlington. Через два дня мы сняли прибыль. Я заработал 3 доллара 12 центов.

После этой первой сделки я начал спекулировать на свой страх и риск. В обеденный перерыв я заходил в ближайший бакет-шоп и что-нибудь покупал или продавал — что угодно, для меня это никогда не имело значения. Это была системная игра, поэтому у меня не было каких-то любимых акций и меня не интересовало ничье мнение. Все мои знания сводились к арифметическим расчетам. И, кстати, это был идеаль-

ный метод для игрока, пользующегося услугами бакет-шопов, где игра сводится к азартным ставкам на колебания цен, отражаемые на ленте биржевого телеграфа.

В скором времени игра на курсах акций стала приносить мне значительно больше денег, чем работа в конторе. И я оттуда ушел. Родные попытались было возражать, но, узнав подробности, вынуждены были прикусить язык. Я был еще подростком, и в конторе мне платили мало. Игра приносила намного больше.

Мне было всего пятнадцать, когда я заработал свою первую тысячу долларов и выложил деньги на стол перед матерью. Здесь было все, что я получил за несколько месяцев в бакет-шопках. Мама ужасно разволновалась. Она хотела, чтобы я положил эти деньги на счет в банке – подальше от соблазнов, – и сказала, что никогда не слышала, чтобы пятнадцатилетний мальчик мог заработать такие деньги, начав с нуля. Мама даже была не вполне уверена в том, что это настоящие деньги. Ее терзали страхи и тревоги. Но я не мог думать ни о чем другом, кроме как о том, чтобы продолжать делом доказывать правильность моих расчетов. Это было так увлекательно – зарабатывать своей головой! Если я оказывался прав, проверяя справедливость своих выкладок на десяти акциях, то я буду в десять раз более прав, делая то же самое с сотней акций. Растущие ставки и растущий выигрыш доказывали мою правоту. Нужно ли больше мужества, чтобы ставить больше? Нет! Это не имеет никакого значения!

Напротив, если у меня есть всего 10 долларов, нужно иметь куда больше мужества, чтобы рискнуть ими, чем когда рискуешь миллионом, имея еще миллион в запасе.

Как бы то ни было, в пятнадцать лет я уже хорошо зарабатывал на фондовой бирже. Начинал я в самых мелких бакет-шопах, где на человека, разом купившего 20 акций, смотрели как на переодетого Джона Гейтса или путешествующего инкогнито Дж. П. Моргана. Бакет-шопы тех времен редко жульничали. В этом не было нужды. Существовали другие способы выманить у клиентов деньги, даже когда те правильно угадывали движение цен. Бизнес этот был чудовищно прибыльным. Когда он велся законно – то есть по-честному, – его интересы обеспечивались текущими колебаниями котировок, которые просто срезали небольшие ставки. Ведь когда залоговая маржа составляет три четверти пункта, то достаточно малейшего колебания курса в другую сторону, чтобы ее перекрыть. Кроме того, те клиенты, которые хотя бы раз позволили себе скрыться, не заплатив по долгам, уже никогда не допускались обратно в игру. Для них двери закрывались навсегда.

У меня компаньонов не было. Я продолжал работать в одиночку. Да это в любом случае игра для одного. Зачем мне кто-то еще? Ведь все необходимое у меня голове! Цена либо пойдет так, как я рассчитываю – без всякой помощи со стороны друзей и партнеров, – либо не так – и здесь мне тоже никто не поможет. Поэтому я не видел смысла в том, чтобы

посвящать кого бы то ни было в мои дела. У меня, конечно, были друзья, но делом я всегда занимался в одиночку.

Разумеется, для владельцев бакет-шопов я очень скоро стал настоящей занозой, поскольку постоянно их обыгрывал. Я заходил в контору, хотел поставить деньги, но их никто не хотел брать. Мне советовали пойти в какое-нибудь другое место. Именно тогда я прославился как юный хват. Мне пришлось постоянно менять брокеров и переходить из одного заведения в другое. Дошло до того, что я был вынужден называться вымышленным именем. Начинал я всегда помаленьку, ограничиваясь 15–20 акциями. Порой, если ко мне начинали с подозрением приглядываться, я какое-то время нарочно проигрывал, чтобы потом нагреть их как следует. Естественно, вскоре они понимали, что я слишком дорого им обхожусь, и предлагали мне убраться подобру-поздорову, чтобы не мешать им стричь купоны.

Однажды, когда передо мной захлопнули дверь довольно крупной конторы, в которой я играл уже несколько месяцев, я решил на прощание отнять у них побольше денег. У этой фирмы были отделения по всему городу и в пригородах. Я зашел в их контору в одной из гостиниц, задал управляющему несколько вопросов и приступил к делу. Но, как только я приступил к игре, ему позвонили из центральной конторы и спросили, кого он обслуживает. Менеджер переадресовал вопрос мне, и я назвал себя Эдвардом Робинсоном из Кембриджа. Он сообщил эту хорошую новость своему боссу, но то-

му захотелось узнать, как я выгляжу. Когда менеджер сообщил мне об этом, я сказал:

– Передайте ему, что я жирный, черноволосый, бородатый коротышка.

Но управляющий описал меня по-своему, и, когда услышал ответ, его лицо побагровело. Он бросил трубку и велел мне выметаться.

– Что вам сказали? – вежливо поинтересовался я.

– Мне сказали: «Идиот, тебе разве не говорили, что нельзя иметь дело с Ларри Ливингстоном? Ты же только что дал ему содрать с нас 700 долларов!»

Впрочем, он не стал пересказывать мне все то, что ему пришлось выслушать в свой адрес.

Я попытал счастья в других отделениях, но обо мне уже везде знали и нигде не хотели принимать у меня ставки. Мне невозможно было даже зайти взглянуть на котировки, без того чтобы кто-нибудь из клерков не напустился на меня. Я пытался убедить их пускать меня к себе хотя бы изредка, равномерно деля визиты между разными отделениями, но это тоже не сработало.

Наконец дошло до того, что у меня остался доступ в единственную фирму – самую крупную и самую богатую брокерскую компанию Cosmopolitan.

У этой фирмы был самый высокий рейтинг и огромное количество клиентов. Отделения у них были во всех промышленных городах Новой Англии. Они относились ко мне так

же, как и к другим клиентам, и на протяжении нескольких месяцев я покупал и продавал акции, то выигрывая, то проигрывая. Но в конце концов ситуация повторилась и здесь. Нет, они не выставили меня за дверь, как это делали маленькие конторы, но не потому, что это было бы неспортивно, а потому, что переживали за свой имидж. Ведь если бы выяснилось, что человека выставили из Cosmopolitan только за то, что ему посчастливилось немного выиграть, репутация компании пошатнулась бы. Поэтому они постарались максимально усложнить мне жизнь, изменив правила игры. Сначала залоговая маржа была увеличена до трех пунктов, а затем меня вынудили дополнительно выплачивать надбавку в размере сначала половины пункта, затем целого пункта, а потом полутора пунктов. Это позволяло брокеру уравнивать шансы, имея дело со мной. Как? Очень просто! Предположим, акции U.S.Steel продавались по 90 долларов, и вы их купили. В квитанции записано: «Куплено 10 U.S.Steel по $90\frac{1}{8}$ ». Если вы внесли залог в размере одного пункта, то, когда цена опустится ниже $89\frac{1}{4}$, вы автоматически потеряете свои деньги. Бакет-шопы не приставали к своим клиентам с требованием внести дополнительный залог или закрыть позицию за сколько можешь. Они просто закрывали позицию принудительно и забирали внесенный залог.

Но введение в Cosmopolitan премии было ударом ниже пояса. Это означало, что, когда я покупал акции по 90 долларов, в квитанции писали уже не «Куплено 10 Steel по $90\frac{1}{8}$ »,

как прежде, а «Куплено 10 Steel по 91½». А это означало, что курс мог подняться на пункт с четвертью, а я все еще был бы в минусе, если бы закрыл позицию на этом уровне. А требование залога в размере трех пунктов в три раза уменьшало кредитное плечо, а значит, и потенциал выигрыша. Но это была единственная контора, которая позволяла мне заниматься моим делом, поэтому мне оставалось принять их условия – или забыть об игре.

Естественно, у меня были и победы, и поражения, но в конечном счете баланс оставался положительный. Однако менеджеры Cosmopolitan не удовлетворились той чудовищной форой, которую они искусственным образом обеспечили себе и которой было бы достаточно, чтобы сломить любого другого. Они попытались поставить на мне жирный крест. Но им это не удалось. Меня спасла моя интуиция.

Как я уже сказал, фирма Cosmopolitan была моим последним прибежищем. Это был самый богатый бакет-шоп во всей Новой Англии, как правило, не ограничивающий объем сделок. Думаю, что среди их постоянных клиентов я был самым серьезным игроком. Контора Cosmopolitan была прекрасно оборудована, и такой большой и полной доски котировок, как у них, я больше нигде не видел. Она занимала всю стену большого зала, и там можно было найти котировки чего угодно. Я имею в виду акции, котируемые на Нью-Йоркской и Бостонской фондовых биржах, хлопок, пшеницу, металлы – словом, все, что продают и покупают в Нью-Йорке,

Чикаго, Бостоне и Ливерпуле.

Как велась игра в бакет-шопах, ни для кого не секрет. Вы передавали деньги клерку и говорили, что именно хотели бы купить или продать. Он смотрел на тикерную ленту или на доску котировок и брал оттуда курс – самый свежий, конечно же. Еще он записывал на квитанции время, так что все вместе выглядело почти как настоящий брокерский отчет о том, что от вашего имени купили или продали столько-то таких-то акций, по такой-то цене, в такой-то день, в такое-то время и столько-то денег от вас получено. Когда вы хотели закрыть позицию, то снова обращались к клерку – к тому же самому или другому (в разных конторах по-разному) – и сообщали ему о своем намерении. Клерк фиксировал последнюю цену или, если ваши акции в это время не были активными, ждал, когда на тикерной ленте появится очередная котировка. Он записывал эту цену и время на вашей квитанции, ставил подпись и возвращал квитанцию вам, после чего вы шли в кассу и получали столько, сколько вам причиталось. Разумеется, в тех случаях, когда цены на акции двигались вопреки вашим ожиданиям и убыток достигал размеров залогового депозита, позиция закрывалась автоматически и ваша квитанция превращалась в бесполезный клочок бумаги.

В более скромных конторах, где допускали к игре даже тех, кто был в состоянии оплатить куплю или продажу всего пяти акций, квитанции представляли собой узкие полоски

бумаги разного цвета — для покупки и для продажи. Временами, например когда рынок устойчиво рос, таким конторам приходилось весьма худо, потому что все клиенты становились «быками», играли на повышение и их ожидания большей частью оправдывались. Чтобы не разориться, бакет-шопы начинали взимать комиссионное вознаграждение и за покупку, и за продажу, поэтому, если вы покупали акцию за 20 долларов, в квитанции стояло $20\frac{1}{4}$. Таким образом, допустимый убыток на каждый пункт маржи не превышал $\frac{3}{4}$ пункта.

Но Cosmopolitan была самой крупной брокерской конторой в Новой Англии, имевшей тысячи постоянных клиентов, но я уверен, что был единственным, кого они боялись. Ни убийственная премия, ни маржа в три пункта не заставили меня уменьшить масштаб своих операций. Я продолжал покупать и продавать в таких объемах, какие они только могли обслужить. Иногда в моих руках оказывались пакеты в пять тысяч акций.

В тот день, когда произошло событие, о котором я хочу рассказать, я продал без покрытия (шортировал) 3,5 тысячи акций Американской сахарной компании. У меня было семь больших розовых квитанций, каждая на 500 акций. В Cosmopolitan использовали довольно большие квитанции, чтобы на полях можно было приписывать дополнительную залоговую маржу. Естественно, в бакет-шопам клиентам никогда не предлагали дополнить залоговую маржу. Чем она меньше, тем лучше, ведь основной доход они получали, ко-

гда цена выскакивала за пределы маржи и клиент выходил из игры, теряя весь залог. Если же вы в такой конторе все-таки хотели увеличить залоговый депозит и тем самым расширить допустимый диапазон колебаний курса, вам выпи-сывали новую квитанцию, чтобы можно было еще раз взять с вас комиссионные за покупку, а кроме того, на каждый вне-сенный пункт маржи допускалось колебание цены лишь в $\frac{3}{4}$ пункта, поскольку они приплюсовывали и комиссионные за продажу, как если бы это был новый заказ.

Та к вот, в тот день, о котором я вспоминаю, я внес в качестве залога больше 10 тысяч долларов.

Мне было всего двадцать, когда я впервые накопил 10 ты-сяч долларов наличными. И если бы вы только послушали мою мать, то решили бы, что 10 тысяч долларов наличны-ми, помимо меня, не держал в руках никто, если не считать старика Рокфеллера. Она уговаривала меня остановиться и заняться каким-нибудь надежным делом. Мне было трудно ей объяснить, что это не азартные игры, что мой заработок основан на точном расчете. Но она понимала только то, что 10 тысяч – это громадные деньги, а я видел в них только возможность и дальше наращивать величину залогового де-позита, а значит, и объемов торговли.

Внесенный депозит позволил мне продать без покрытия 3,5 тысячи акций Американской сахарной компании на цене $105\frac{1}{4}$. В конторе был еще один игрок, Генри Уильямс, кото-рый тоже играл на понижение, имея 2,5 тысячи акций. Обыч-

но я сидел рядом с телеграфным аппаратом и читал по ленте котировки для мальчика, который записывал их на доске. Цены двигались именно так, как я и ожидал. Курс быстро опустился на пару пунктов и замер, словно переводил дыхание, прежде чем нырнуть еще глубже. Рынок в целом выглядел спокойным, и ситуация казалась многообещающей. Но тут я неожиданно почувствовал, что мне очень не нравятся эти микроскопические колебания курса. Я встревожился. Мне казалось, что надо немедленно уходить. Мои акции в этот момент шли по 103 доллара (минимум того дня), но с каждой минутой я ощущал в себе не крепнущую уверенность в успехе, а все большую растерянность. Я чувствовал: что-то не так, хотя и не понимал, что именно. Но если что-то надвигалось, а я не знал что и откуда, то не мог себя защитить. А значит, лучше всего мне было сразу закрыть позицию и уйти.

Видите ли, я не играю вслепую. Я этого не люблю. И никогда себе этого не позволял. Даже будучи совсем ребенком, я всегда хотел знать, почему и зачем я должен делать то или это. Но в этот раз не было никаких четких причин уходить, кроме необъяснимой тревоги. Я позвонил одному из знакомых мне завсегдатаев, Дейва Уимена, и попросил его:

– Дейв, займи мое место у аппарата. Я хочу тебя кое о чем попросить. Когда будешь объявлять следующую котировку Американской сахарной компании, сделай паузу, хорошо?

Он согласился, и я уступил ему стул рядом с тикерным ап-

паратом, чтобы он мог называть цены для мальчика. Вынув из кармана свои семь квитанций на сахарные акции, я подошел к стойке, за которой клерк отмечал квитанции для тех, кто закрывал позиции. Но поскольку я еще не понимал, нужно ли их закрывать, то просто стоял, опираясь на стойку и держа квитанции так, чтобы клерк их не видел. Вскоре затрещал телеграфный аппарат, и Том Бернхем, клерк, повернул голову, прислушиваясь. Тут я остро почувствовал, что готовится какая-то пакость, и решил больше не ждать. Как раз в этот момент послышался голос Дейва Уимена: «Сах...» – и тогда я, бросив на стойку свои квитанции, завопил: «Закрывай сахарные!» Я успел сделать это до того, как Дейв объявил новую цену, и контора была обязана закрыть мои акции по предыдущей котировке. Тут же выяснилось, что новая цена, которую объявил Дейв, составляла те же 103 доллара.

По моим расчетам, акции Американской сахарной компании как раз в этот момент должны были опуститься ниже 103 долларов. Но что-то в этом механизме не сработало. У меня было чувство, что я едва не угодил в западню. Как бы то ни было, телеграфный аппарат вдруг застрекотал как бешеный, и я заметил, что Том Бернхем так и не зафиксировал последнюю цену на моих квитанциях, продолжая прислушиваться к новым котировкам и как будто чего-то ожидая. Поэтому я заорал на него: «Эй, Том, какого черта ты ждешь? Поставь цену на этих квитанциях – 103! И поживее!»

Все, кто находился в помещении, повернулись на мои кри-

ки и начали спрашивать друг друга, что случилось, поскольку, хотя Cosmopolitan никогда не уличали в мошенничестве, никогда не знаешь, что может произойти, а в брокерской конторе паника может разрастись так же быстро, как в банке. Если один из клиентов заподозрил что-то неладное, остальные тоже начинают нервничать. Поэтому Том угрюмо посмотрел на меня, но взял мои квитанции, написал на них «Закрыто по 103» и выложил все семь передо мной. Выражение лица у него было при этом прекисное.

От места, где сидел Том, до клетки кассира было около трех шагов. Но не успел я добраться до кассы, чтобы получить свои деньги, как раздался взволнованный вопль Дейва Уимена:

– Черт возьми! Американская сахарная компания – 108!

Но было уже поздно; я рассмеялся и крикнул Тому:

– В этот раз не вышло, а?

Разумеется, все это было подстроено. Мы с Генри Уильямсом продавали без покрытия шесть тысяч акций. Бакет-шоп получил в залог мои деньги, деньги Генри, и кто знает, сколько еще коротких позиций было открыто по сахарным акциям в тот день.

Для определенности можно предположить, что в общей сложности это число составляло 8–10 тысяч акций. Залоговая маржа по ним могла составить около 20 тысяч долларов. Этого было достаточно, чтобы заплатить тому, кто взбаламутил бы торги на Нью-Йоркской фондовой бирже, и оставить

нас ни с чем. В те времена, когда брокерской конторе приходилось иметь дело с большим наплывом «быков», было обычным делом обратиться к посреднику, который смог бы добиться пусть и кратковременного, но достаточно сильного понижения курса определенных акций, чтобы разом обути всех, кто играл на повышение. Достаточно было опустить курс на пару пунктов, чтобы контора заработала несколько тысяч долларов на нескольких сотнях акций.

Именно так поступила *Cosmopolitan*, чтобы нагреть меня, Генри Уильямса и всех остальных, кто играл на понижение акций Американской сахарной компании. Их брокеры в Нью-Йорке сумели поднять цену до 108. После этого она, естественно, сразу упала, но Генри и многие другие остались без денег. Если в те времена на бирже происходил необъяснимый скачок цен, вслед за которым они опять выравнивались, газеты называли это проделками бакет-шопов.

А самым забавным было то, что не позднее чем через десять дней после того, как *Cosmopolitan* попыталась покончить со мной, один нью-йоркский делец обыграл их самих больше чем на 70 тысяч долларов. Этот человек, который в то время был членом Нью-Йоркской фондовой биржи и весьма крупной рыбой на рынке ценных бумаг, сделал себе имя игрой на понижение во время биржевой паники 1896 года. Он постоянно боролся с теми правилами биржи, которые не позволяли ему обогащаться за счет других членов биржи. Однажды он сообразил, что ни биржа, ни правоохрани-

тельные органы не станут возражать, если он вытрясет из бакет-шопов часть их несправедно нажитого богатства. В случае, о котором я рассказываю, он нанял тридцать пять человек, которые под видом клиентов действовали в его интересах. Они рассредоточились по головным офисам и филиалам крупнейших брокерских фирм, и в определенный день и час каждый из них скупил акции определенной компании в таком количестве, какое только было возможно. Этим людям было предписано одновременно выйти из игры при достижении определенного курса. Сам он нашептал своим знакомым, что эти акции должны пойти вверх, а затем отправился на биржу и начал играть на повышение. В этом ему помогли и другие трейдеры, уважавшие его репутацию и принявшие все это всерьез. Если осмотрительно выбрать правильные акции, то не составит большого труда поднять их курс на 3—4 пункта. Его агенты в бакет-шопах, дождавшись максимального повышения, закрыли позиции и ушли с большим выигрышем.

Мне рассказывали, что устроивший это делец заработал чистыми 70 тысяч долларов. Он несколько раз играл в такую игру в разных городах и сумел хорошо пожить за счет крупнейших бакет-шопов Нью-Йорка, Бостона, Филадельфии, Чикаго, Цинциннати и Сент-Луиса. Играть он предпочитал с акциями компании Western Union, поскольку эти полуактивные акции было легко в любой момент сдвинуть на несколько пунктов вверх или вниз. Его агенты покупали эти

акции по определенной цене, продавали, когда они поднимались на два пункта, затем открывали короткие позиции и выигрывали еще три пункта на снижении котировок. Кстати говоря, недавно я прочитал, что этот человек умер в бедности и одиночестве. Если бы он умер в 1896 году, каждая из нью-йоркских газет посвятила бы ему по меньшей мере одну колонку на первой полосе. А так он удостоился лишь двух строчек на пятой полосе.

Глава II

Понимая, что брокерская компания Cosmopolitan готова на любую подлость, лишь бы избавиться от меня (раз уж со мной нельзя справиться, даже имея убийственный гандикап в форме маржи величиной в три пункта и премии в полтора пункта), и что они в любом случае не желают иметь со мной дела, я решил перебраться в Нью-Йорк, где мог бы играть в конторе, зарегистрированной на Нью-Йоркской фондовой бирже. С бостонскими филиалами, которые получали котировки по телеграфу, мне связываться не хотелось. Я хотел находиться рядом с источником событий. Когда я прибыл в Нью-Йорк, мне был двадцать один год. Тогда я привез с собой весь свой капитал – 2,5 тысячи долларов.

Я уже рассказывал о том, что к двадцати годам у меня было 10 тысяч долларов и что в одной лишь операции с акциями Американской сахарной компании я поставил на кон более 10 тысяч. Тем не менее я не всегда выигрывал. Мой план торговли был достаточно разумный и приносил выигрыш чаще, чем потери. Придерживаясь его, я выигрывал в семи случаях из десяти. Более того, я практически всегда выигрывал, если еще до начала торговой операции был абсолютно уверен в правильности своих действий. Однако мне, к сожалению, не всегда хватало мозгов, чтобы придерживаться собственных правил игры, то есть делать ставки только

при полной уверенности в том, что все обстоятельства полностью благоприятствуют победе. Всему свое время, но тогда я этого еще не понимал. Именно из-за этого, из-за своей неразборчивости, терпят неудачи на Уолл-стрит многие из тех, кого дурачками и неудачниками вроде бы и не назовешь. Есть круглые идиоты, которые всё и всегда делают не так, но есть на Уолл-стрит еще категория глупцов, которые считают, что торговать надо всегда. На свете нет человека, который имел бы разумные причины ежедневно покупать или продавать акции либо обладал бы достаточными знаниями, чтобы всегда играть с умом.

Я доказал это на себе. Читая тикерную ленту через призму своего опыта, я выигрывал; но, играя без оглядки и бездумно рискуя, я проигрывал. Я ведь не исключение, я такой же, как все. Когда видишь перед собой огромную доску котировок, когда телеграф не перестает выстукивать свежую информацию с биржи, когда все вокруг заняты игрой, а квитанции ежеминутно обращаются в макулатуру или чистоган, бывает трудно удержаться. Азарт заглушает голос рассудка. В бакет-шопах с их микроскопической маржей никто не играет подолгу. Малейшее колебание курса не в ту сторону – и ты уже вне игры. Желание продолжать играть несмотря ни на что, как бы ни складывались рыночные обстоятельства, является главной причиной множества крахов на Уолл-стрит даже среди профессионалов – среди тех, кто думает, что должен каждый день хоть немного выигрывать, словно он рабо-

тает на бирже за оклад. В то время я был очень молод, совсем ребенок и еще не знал того, что знал пятнадцать лет спустя, когда ждал две недели, не сводя глаз с интересовавших меня акций, пока они не поднялись на 30 пунктов и я не понял, что теперь их покупка достаточно безопасна. Тогда я был разорен, пытался отыграться, а потому просто не мог позволить себе действовать бездумно. Мне хотелось быть уверенным в своей правоте на сто процентов, поэтому я ждал. Но это было в 1915 году, и подробнее я расскажу эту длинную историю в свое время. А теперь вернемся на пятнадцать лет назад, в 1900 год, и посмотрим, как из-за своей тогдашней неопытности я позволил бакет-шопам отнять у меня большую часть накоплений.

Это был не первый и не последний случай в моей жизни. Биржевому спекулянту приходится бороться с множеством слабостей, приводящих к разорению. Как бы то ни было, я прибыл в Нью-Йорк с 2,5 тысячи долларов в кармане. Я не знал там бакет-шопов, которым можно было бы доверять. Фондовая биржа и полиция активно боролись с бакет-шопами и добились закрытия большинства из них. К тому же я искал место, в котором масштабы торговли ограничивались бы только толщиной моего кошелька. На тот момент он был не слишком толстым, но я рассчитывал, что это ненадолго. Главное было найти место, где работали честно. Поэтому я направился в одну из компаний, зарегистрированных на Нью-Йоркской фондовой бирже. Поскольку эта фирма име-

ла отделение в моем городе, я знал там некоторых клерков. К настоящему времени эта компания уже давно свернула дела. Там я играл недолго. Мне не понравился один из партнеров этой фирмы, поэтому я перешел в брокерскую контору А. Р. Фуллертонa. Должно быть, кто-то рассказал им о моих прежних успехах, потому что очень скоро меня стали называть там юным хватом. Я всегда выглядел моложе своих лет. Отчасти это было недостатком, но зато научило меня отстаивать свои права, потому что многие пытались воспользоваться моей предполагаемой неопытностью. Менеджеры бакет-шопов, глядя на такие успехи в столь юном возрасте, списывали все на то, что «дуракам везет». Они видели в этом единственное объяснение того, почему я так часто их обыгрываю.

Не прошло и шести месяцев после моего приезда в Нью-Йорк, как я полностью разорился. Я был очень активным игроком, и у меня была репутация победителя. К тому же комиссионные от моих сделок складывались, полагаю, в неплохую сумму. Я постепенно наращивал свой капитал, но в конце концов все потерял. Я играл очень осторожно, но все равно не мог не проиграть. И причиной были как раз те замечательные успехи, которых я достиг, играя в бакет-шопах!

Мой метод позволял выигрывать только в бакет-шопах, где я ставил на колебания цен. Неотъемлемым фактором успеха являлся биржевой телеграф. Когда я покупал, цена находилась у меня перед глазами – на котировочной доске.

Еще не купив, я уже знал, сколько нужно будет заплатить за акции. И продать их я тоже мог в одно мгновение. Успех зависел от быстроты моей реакции. Победу от поражения порой отделяла одна секунда. Иногда, к примеру, я был совершенно уверен в том, что акции вот-вот сдвинутся хотя бы на один пункт. Мне ничего больше и не нужно было. Я вносил залог на один пункт и мгновенно удваивал свои денежки. Работая с сотней-двумя акций в день, за месяц таким образом можно заработать приличные деньги.

Однако у такого метода была одна практическая проблема: вряд ли какая-нибудь контора хочет постоянно терять деньги, даже если ей есть чем платить. Они не станут долго терпеть клиента, имеющего дурную манеру все время выигрывать.

Как бы то ни было, система, дававшая превосходные результаты в бакет-шопах, в конторе Фуллертона не срабатывала. Здесь я не просто работал с цифрами, а реально покупал и продавал акции. В бакет-шопе я видел на тикерной ленте, что акции Американской сахарной компании стоят 105 долларов, и мог прогнозировать, что они вот-вот упадут на три пункта. Однако, пока телеграфный аппарат печатал на ленте, что курс сахарных акций 105 долларов, реальная цена в зале биржи могла успеть опуститься до 104 или 103 долларов. К тому же времени, когда мой приказ о продаже тысячи акций попадал в руки оператора, который работал на Фуллертона в зале биржи, цена могла опуститься еще ниже. И, не получив

отчет оператора, я не знал точно, по какой именно цене он продал мои акции. В той же самой ситуации, которая в бакет-шопах могла бы принести мне три тысячи долларов выигрыша, в настоящей брокерской фирме, работавшей на бирже, я не зарабатывал ни цента. Разумеется, здесь я говорю о крайностях, но факт остается фактом: в брокерской фирме Фуллертона та система, которая обеспечивала мне успех в бакет-шопах и центральное место в которой занимал биржевой телеграф, уже не работала, но понял я это, к сожалению, не сразу.

К тому же оказалось, что, если я продаю достаточно большой пакет акций, это давит на цену, и она падает еще ниже. В бакет-шопах мне не приходилось думать о том, как мои сделки влияют на рынок. В Нью-Йорке я проигрывал потому, что здесь играли совсем в другую игру. Причина моих проигрышей заключалась не в том, что теперь я играл по закону, а в том, что играл я невежественно. Я уже говорил, что, как никто, умел читать тикерную ленту. Но это меня не спасло. У меня получалось бы намного лучше, если бы я сам работал в зале биржи. Может быть, там, на месте, я смог бы адаптировать свою систему к новым обстоятельствам. Но проблема в том, что, если бы я дошел до такого масштаба торговых операций, как, скажем, сейчас, моя система все равно подвела бы меня, поскольку не учитывала бы эффект, который оказывал на котировки акций сам факт торговли ими.

Короче говоря, я не до конца понимал правила биржевой

игры. Я знал только часть игры, довольно важную часть, и мне это всегда помогало. Но если, несмотря на это, я все-таки проигрался, какие же шансы на выигрыш у совсем зеленого новичка?

Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что в моем методе игры что-то не так, но я никак не мог нащупать истинную проблему. Временами моя система работала превосходно, а потом, совершенно неожиданно, – сплошные провалы. Не будем забывать, что мне на тот момент было только двадцать два года. И дело не в том, что я упрямо стоял на своем и не стремился понять, в чем ошибаюсь; просто в таком возрасте еще мало кто в чем бы то ни было разбирается.

Служащие конторы были со мной очень милы. Я не мог увлекаться игрой до беспамятства из-за маргинальных ограничений, но старик Фуллертон и все остальные были настолько добры ко мне, что после шести месяцев активной торговли я не только потерял все, что привез, и все, что сумел выиграть за это время, но даже задолжал конторе несколько сотен долларов.

Вот так я, в сущности еще ребенок, который впервые оказался вдали от дома, остался без гроша в кармане. Но я твердо знал, что проблема не во мне, а в моей игре. Не знаю, ясно ли я выражаюсь, но я никогда не злюсь на рынок. Спорить с цифрами бесполезно. Если обижаться на рынок, то толку не будет никакого.

Мне так не терпелось вернуться к торговле, что, не теряя ни минуты, я пошел к старику Фуллертону и сказал ему:

– Слушайте, А. Р., ссудите мне пять сотен.

– Зачем? – спросил он.

– Мне нужны деньги.

– Зачем? – снова спросил он.

– Для внесения залога, разумеется, – сказал я.

– Пятьсот долларов? – переспросил он и нахмурился. – Ты же знаешь, что тебе придется вносить десятипроцентную маржу – тысячу долларов на сотню акций. Лучше я открою тебе кредит.

– Нет, – сказал я, – я не хочу кредита от вашей фирмы. Я не хочу здесь играть. На мне и так задолженность. Я хочу, чтобы вы просто дали мне в долг 500 долларов, чтобы я мог пойти поиграть в другом месте, раскрутиться, а потом вернуться назад.

– И как ты собираешься это сделать? – спросил он.

– Пойду поиграю в бакет-шопах, – ответил я.

– Играй здесь, – сказал он.

– Нет, – возразил я. – Здесь я в успехе не уверен, но точно знаю, что в бакет-шопах заработать смогу. Тамошняя игра мне знакома. И, кажется, я начал понимать, что у меня идет не так, когда я играю здесь.

Он дал мне денег, и я ушел из конторы, где «гроза бакет-шопов», как меня здесь прозвали, продул все свое состояние. Я не мог вернуться домой, потому что тамошние заве-

дения просто не подпустили бы меня к игре. Нью-Йорк тоже отпадал, потому что к тому времени бакет-шопы там были уже изжиты. Мне говорили, что в 90-е годы таких заведений было полно на Брод-стрит и Нью-стрит. Но, когда они мне понадобились, от них не было и следа. В итоге, поразмыслив, я решил отправиться в Сент-Луис. Я слышал о двух конторах, которые вели громадные операции на всем Среднем Западе. Они и прибыли должны были иметь громадные. Отделения у них располагались в десятках окрестных городков. Более того, мне сказали, что ни одна контора Восточного побережья не может сравниться с ними по размаху бизнеса. Они вели дело открыто, и иметь с ними отношения не стеснялись довольно известные люди. Именно туда я и направился со своими пятьюстами долларами, чтобы вернуться с прибылью и использовать ее для игры в конторе Фуллертона, являвшегося полноправным членом Нью-Йоркской фондовой биржи.

Добравшись до Сент-Луиса, я устроился в гостиницу, а затем отправился на поиски бакет-шопов.

Их было два. Один принадлежал Дж. Г. Долану, а другой – Г. С. Теллеру. Я знал, что смогу их обыграть. В мои планы входило играть максимально осторожно, и боялся я только того, что меня могут узнать и выставить вон, потому что о моих «подвигах» были наслышаны бакет-шопы по всей стране. Между ними существовали свои связи, как между игорными домами. Заведение Долана было ближе к гостинице,

поэтому туда я и направился в первую очередь. Я надеялся, что мне позволят поиграть хотя бы несколько дней, прежде чем поймут, что к чему, и предложат поискать другое место. Переступив порог, я оказался в гигантском помещении, где не менее пары сотен людей не сводили глаз с доски котировок. Я обрадовался, потому что в таком скопище людей больше шансов остаться незамеченным. Стоя в толпе, я принялся изучать котировки, внимательно следя за их колебаниями, и наконец остановил свой выбор на акциях, с которых должна была начаться моя игра.

Оглядевшись, я увидел за окошечком клерка, который принимал ставки и выдавал квитанции. Подойдя к окошку, я спросил:

- Это здесь можно поставить на хлопок и пшеницу?
- Да, сынок, – ответил он.
- И акции купить можно?
- Можно, если деньги есть.
- Денег-то хватает, – сказал я, как хвастливый мальчишка.
- Неужели? – произнес он с улыбкой.
- Сколько акций я могу купить на сто долларов? – спросил я как бы с обидой в голосе.
- Сто, если у тебя действительно есть сотня долларов.
- У меня есть сотня. Да и две сотни найдется! – выпалил я.
- Ну-ну, – сказал он.
- Купите для меня двести акций, – отрывисто заявил я.
- Двести каких?

Теперь его тон стал серьезным. Это был уже деловой разговор. Я еще раз оглянулся на котировочную доску, словно все еще раздумывая, и сказал:

– Двести акций Omaha.

– Отлично, – сказал он.

Клерк взял у меня деньги, пересчитал их и выписал квитанцию.

– Как ваше имя? – спросил он.

И я ответил:

– Гораций Кент.

Он выдал мне квитанцию, и я, отойдя от стойки, сел ждать среди других клиентов, когда мои акции подрастут и их можно будет продать с наваром.

Я действовал быстро и за день успел сыграть несколько раз. На другой день все повторилось. За два дня я заработал 2,8 тысячи долларов и очень надеялся, что до конца недели мне никто не помешает. При таком темпе перспективы были превосходные. Потом я рассчитывал поиграть в другом заведении, и если там все сложится так же удачно, то я смогу вернуться в Нью-Йорк с кучей денег, которая даст мне возможность чего-то добиться.

Утром третьего дня, когда я с самым невинным видом подошел к окошку, чтобы купить 500 акций B.R.T., клерк остановил меня:

– Извините, мистер Кент, вас хочет видеть босс.

Я сразу понял, что игра окончена, но все-таки спросил:

– А зачем я ему понадобился?

– Не знаю.

– А где он?

– В своем кабинете. Пройдите вон туда.

Клерк указал на дверь. Когда я вошел в кабинет, Долан сидел за столом. Повернувшись в кресле ко мне, он сказал:

– Присядьте, Ливингстон.

Он показал на кресло. Последняя надежда растаяла. Не знаю, каким образом он выяснил, кто я. Может, навел справки в гостинице?

– Зачем вы хотели меня видеть? – спросил я.

– Послушай, малыш. Лично я против тебя ничего не имею. Совсем ничего. Понимаешь?

– Нет, не понимаю, – сказал я.

Долан выбрался из своего крутящегося кресла, и я увидел, какой он был здоровяк. Он прошел к двери и сказал:

– Подойди-ка сюда, Ливингстон. – Приоткрыв дверь, он указал на клиентов, толпившихся в зале: – Видишь их?

– Вижу кого? – переспросил я.

– Этих людей. Посмотри на них, малыш. Их здесь триста человек! Триста простаков! Они кормят меня и мою семью.

Видишь? Три сотни простофиль! А потом приходишь ты и за два дня сдираешь больше, чем я получаю с этих трехсот лохов за две недели. Это не дело, малыш! Это не по мне! Претензий у меня к тебе нет. Что ты успел сорвать, то твое. Но больше ты не получишь. Для тебя здесь больше ничего

нет!

– Но я...

– Довольно. Я видел, как ты вошел сюда позавчера, и мне сразу не понравился твой вид. Я почувствовал в тебе какую-то фальшь. Я вызвал к себе этого болвана, – он указал пальцем на провинившегося клерка, – и спросил его о тебе. Я сразу сказал ему: «Что-то мне в нем не нравится. Он не тот, за кого себя выдает!» А этот болван мне заявляет: «Да бросьте вы, босс! Его зовут Гораций Кент, и это просто мальчишка, изображающий из себя взрослого. С ним все в порядке!» Что ж, я прислушался к нему, и эта опрометчивость обошлась мне в 2,8 тысячи долларов. Я на тебя, малец, зла не держу. Но отныне касса для тебя закрыта.

– Послушайте... – начал я.

– Это ты, Ливингстон, меня послушай, – перебил он. – Я о тебе многое знаю. Я зарабатываю на том, что ставят на кон эти простофили, и тебе здесь делать нечего. Я умею проигрывать, и то, что ты успел отхватить, по праву принадлежит тебе. Но если я позволю тебе и дальше здесь резвиться, теперь, когда я знаю, кто ты такой, то сам окажусь простофилей. Поэтому топай отсюда, сынок, по-хорошему!

Так я и покинул заведение Долана с 28 сотнями долларов в кармане. Фирма Теллера располагалась в том же квартале. Я уже успел выяснить, что Теллер был очень богат и ему принадлежало еще и множество бильярдных. Я решил заглянуть в его бакет-шоп, размышляя над тем, что лучше: начать

скромно и постепенно дойти до тысячи акций или сразу броситься в омут с головой, потому что не исключено, что больше одного дня мне поиграть не дадут. Они быстро соображают, когда теряют деньги, а мне очень хотелось купить тысячу акций В.Р.Т. Я был уверен, что смогу заработать четыре или пять пунктов на каждой из них. Но если они что-то заподозрят или если слишком многие будут ставить на эти акции, то мне просто не дадут сыграть. Поэтому я подумал, что лучше будет начать с небольших ставок на другие акции.

Эта контора была поменьше, чем у Долана, но интерьер был красивее, а клиентура явно выше классом. Такая обстановка устраивала меня как нельзя лучше, поэтому я все-таки решил купить тысячу В.Р.Т. Подойдя к нужному окошку, я сказал клерку:

– Я хотел бы купить акции В.Р.Т. Какой предел?

– Предела нет, – ответил клерк. – Можете купить сколько захотите, если есть деньги.

– Тогда купите для меня полторы тысячи акций, – сказал я и вытащил деньги из кармана. Но, как только клерк начал выписывать квитанцию, к нему подскочил какой-то рыжеволосый мужчина и буквально вытолкал его. После этого он перегнулся через стойку и сказал мне:

– Слушай, Ливингстон! Ступай обратно к Долану. Здесь ты нам не нужен.

– Дайте мне получить квитанцию, – возразил я. – Я только что купил несколько акций В.Р.Т.

– Нет здесь твоих квитанций, – ответил он. – Никогда не приходи сюда играть. Мы не будем иметь с тобой дела. Понятно?

К этому времени подтянулись другие клерки, и все они глазели на меня из-за спины босса.

Выходить из себя или пытаться спорить не было никакого смысла, поэтому я вернулся в гостиницу, оплатил счет и первым же поездом вернулся в Нью-Йорк. На душе было тяжело. Я планировал сорвать настоящий куш, но Теллер не дал мне даже попробовать.

Вернувшись в Нью-Йорк, я отдал Фуллертону его пять сотен и снова принялся играть на деньги, заработанные в Сент-Луисе. Иногда мне везло, иногда не очень, но в целом результат был положительный. В конце концов, я был не новичок, многое знал и умел, а главное – теперь я понимал, что в торговле ценными бумагами существует гораздо больше тонкостей, чем полагал, пока не попал к Фуллертону. Я был похож на тех завязых любителей кроссвордов, которые не успокаиваются, пока не заполнят все клеточки. Что касается бакет-шопов, то я полагал, что уже окончательно развязался с ними. Но я ошибался.

Через пару месяцев после моего возвращения в Нью-Йорк в конторе Фуллертона появился какой-то старик – знакомый хозяина. Кто-то мне сказал, что когда-то они на паях держали конюшню скаковых лошадей. Было видно, что он знал лучшие дни. Когда нас с ним познакомили (его звали Мак-

девитт), он рассказывал собравшимся о шайке ипподромных жуликов, которые недавно провернули какую-то аферу в Сент-Луисе. Во главе шайки, сказал он, стоял некто Теллер – владелец сети бильярдных залов.

– Какой Теллер? – спросил я.

– Некто Г. С. Теллер.

– Знаю я этого гуся, – сказал я.

– Тот еще прохвост, – кивнул Макдевитт.

– Хуже, – сказал я. – У меня с ним свои счета.

– А что такое?

– Эту сволочь ничем не проймешь, кроме как ударив по карману. В Сент-Луисе я до него добраться не могу, но рано или поздно я его достану.

И я рассказал Макдевитту о моей обиде.

– Я слышал, – сказал старый Мак, – он пытался протянуть свои лапы и сюда, в Нью-Йорк, но у него не вышло, и он открыл заведение в Хобокене. Говорят, там можно играть без всяких ограничений, а деньги они просто лопатой гребут.

– Какое заведение? – спросил я, думая, что речь идет о бильярдной.

– Бакет-шоп, – ответил Макдевитт.

– Вы уверены, что заведение уже открыто?

– Да, мне уже несколько человек об этом говорили.

– Но, возможно, это лишь слухи, – возразил я. – А можете ли вы точно узнать, действительно ли они работают и насколько серьезно там можно играть?

– Конечно, сынок, – отвечал Макдевитт. – Сам съезжу туда завтра утром, а потом вернусь и расскажу тебе.

Та к он и сделал. Все выглядело так, что Теллер развернул большой бизнес и греб деньги на всю катушку. Дело было в пятницу. Целую неделю рынок шел вверх, а происходило это все, не будем забывать, двадцать лет назад, и можно было не сомневаться, что в субботу будет объявлено о значительном сокращении избыточных резервов в банках. Для крупных биржевых дельцов это, как всегда, послужит поводом для того, чтобы активизировать игру на рынке и попытаться нажиться за счет более слабых клиентов коммиссионных домов. В последние полчаса торгов это вызовет обычную коррекцию котировок, особенно тех акций, которые в течение дня пользовались наибольшим спросом. Это, конечно же, будут те самые акции, по которым открыли длинные позиции большинство клиентов Теллера, а тем, кто в этих условиях попытается играть на понижение, заведение будет особенно радо. Ведь для бакет-шопа нет ничего приятнее, чем ловить простаков на резких скачках цен – в любую сторону; и ловля идет особенно легко, когда маржа составляет всего-навсего один пункт.

В то субботнее утро я отправился в Хобокен, чтобы навестить заведение Теллера. Там я обнаружил огромный зал для клиентов с щеголеватой доской котировок, большим штатом клерков и охранником в сером мундире. В зале находилось примерно двадцать пять клиентов.

Я завел разговор с управляющим. Он спросил, чем мог бы быть полезен, а я ответил, что ничем и что, на мой взгляд, на бегах, где ставки не ограничены, можно заработать гораздо больше и гораздо быстрее – тысячи долларов в считанные минуты, – чем клевать по зернышку, как с этими акциями, да еще и ждать результатов целыми днями. Управляющий стал уверять меня, что игра на бирже обеспечивает гораздо более надежный выигрыш и некоторые из клиентов их фирмы зарабатывают очень много. Послушав его, можно было подумать, что он настоящий биржевой брокер, в самом деле занимающийся покупкой и продажей акций в ваших интересах. Управляющий, должно быть, подумал, что я направляюсь в какую-нибудь бильярдную, и решил хоть немного меня пощипать, прежде чем меня там обдерут дочиста, поэтому добавил, что мне надо спешить, так как по субботам торги заканчиваются в двенадцать часов. А потом весь день у меня будет свободен. И если я правильно выберу акции и выиграю, то потом смогу больше поставить на бегах.

Весь мой вид излучал недоверие. Управляющий продолжал уговаривать меня, а я все поглядывал на часы. В четверть двенадцатого я сказал: «Хорошо», – и начал давать ему поручения о продаже различных акций. Я внес две тысячи долларов залога, и он был просто счастлив получить их. Управляющий заверил меня, что я наверняка заработаю на этом кучу денег, и выразил надежду, что впредь я буду часто их навещать.

Все вышло, как я и рассчитал. Биржевые трейдеры начали сбивать цены до уровня, который обеспечивал, по их расчетам, активизацию большинства стоп-лоссов, и цены, естественно, обрушились. Я закрыл свои короткие позиции точно перед началом подъема, который обычно наблюдается в последние пять минут торгов, после того, как играющие на понижение биржевики закроют короткие позиции.

Мой выигрыш составил пять тысяч сто долларов, и я отправился за ними в кассу.

– Удачно я заглянул к вам, – сказал я менеджеру, подавая свои квитанции.

– Простите, – ответил он, – но я не смогу вам выдать весь выигрыш. Я не рассчитывал на такие выплаты. Я обязательно выплачу вам все до цента в понедельник утром.

– Ладно. Тогда выдайте то, что есть.

– Позвольте мне сначала расплатиться по мелким выигрышам, – сказал он. – Я обязательно верну вам ваш залог и все, что останется в кассе после остальных расчетов. Подождите, пока я оплачу другие квитанции.

Пришлось ждать, пока он рассчитывался с другими выигравшими клиентами. За свои деньги я не тревожился. Теллер не станет кидать клиентов в заведении, которое приносит такие доходы. А если он все-таки решит неожиданно смотреть удочки, мне все равно не останется ничего другого, кроме как забрать внесенный залог и все, что останется в кассе. В итоге я получил свои две тысячи и еще примерно

800 долларов – больше в кассе не было ни цента. Я пообещал клерку, что вернусь в понедельник утром. Он поклялся, что деньги будут меня ждать.

В понедельник незадолго до полудня я вернулся в Хобокен и сразу увидел, как управляющий разговаривает с менеджером, которого я видел в Сент-Луисе в тот день, когда Теллер предложил мне вернуться к Долану. Я сразу догадался, что управляющий телеграфировал в головную контору и те прислали одного из своих людей, чтобы разобраться на месте. Жулики никому не доверяют.

– Я пришел за остальными деньгами, – заявил я управляющему.

– Тот самый? – спросил у управляющего посланник из Сент-Луиса.

– Да, – кивнул менеджер и вытащил из кармана пачку золотых сертификатов.

– погоди! – остановил его человек из Сент-Луиса и, повернувшись ко мне, сказал: – Ливингстон, разве вам не говорили, что мы не хотим иметь с вами дело?

– Сначала отдайте мне мои деньги, – сказал я управляющему, и он протянул мне сначала две тысячные купюры, потом четыре пятисотенные и три сотенные.

– Что вы сказали? – повернулся я к человеку из Сент-Луиса.

– Мы вас предупреждали, что не хотим, чтобы вы играли в нашем заведении.

– Ну да, – кивнул я. – Поэтому мне пришлось приехать сюда.

– Больше сюда не приходите. Держитесь подальше! – рявкнул он.

Тут к нам с небрежным видом приблизился охранник в серой униформе. Человек из Сент-Луиса потряс кулаком перед лицом управляющего и заорал:

– А ты, болван, куда смотрел? Это же Ливингстон! Тебя ведь предупреждали!

– Послушайте, – сказал я ему. – Мы не в Сент-Луисе. И здесь жульнические методы, которые применяет ваш босс, не прокатят.

– Держись отсюда подальше! Ты не будешь здесь играть!

– Если я не буду здесь играть, то никто не будет, – ответил я. – Здесь такие вещи вам с рук не сойдут.

Человек из Сент-Луиса тут же сменил тон.

– Послушай, парень, – сказал он, потя от волнения, – сделай нам одолжение. Ну будь благоразумен. Ты же понимаешь, что мы не можем терпеть такие проигрыши изо дня в день. Старик взбесится, если он узнает, чьих рук это дело. Имей совесть, Ливингстон!

– Ладно, я не буду злоупотреблять, – пообещал я.

– Прислушайся к голосу разума. Ради всего святого, обходи нас стороной. Дай нам возможность развернуться как следует. Мы ведь новички здесь. Договорились?

– Только когда я окажусь здесь в следующий раз, будьте

любезны не лезть на рожон, — бросил я напоследок и оставил их перебраниться между собой.

Я немного обобрал их в отместку за то, как они обошлись со мной в Сент-Луисе. Мне не было никакого смысла продолжать злиться на них или пытаться добиться их закрытия. Я вернулся в контору Фуллертона, рассказал Макдевитту о своей поездке и предложил ему, если он захочет, стать у Теллера завсегдатаем и начать торговать помаленьку — пакетами по 20–30 акций, пока они к нему привыкнут. А когда я увижу шанс сорвать большой куш, то позвоню ему, и он сможет развернуться по-настоящему.

Я выдал Макдевитту тысячу долларов, и он начал ездить в Хобокен, действуя так, как мы договорились. Постепенно он стал у них завсегдатаем. И вот однажды, когда я почувствовал, что надвигается настоящее дело, я подал Маку сигнал, и он сыграл на понижение на всю сумму, какую ему позволили. В этот день я заработал чистыми 2,8 тысячи долларов за вычетом доли Мака и всех других расходов и подозреваю, что Мак вложил в игру немного и своих денег. Менее чем через месяц после этого Теллер прикрыл свою лавочку в Хобокене. Их достала полиция. Но они в любом случае долго не продержались бы, хотя я сыграл у них только дважды. Наступала эпоха рынка «быков»: акции устойчиво шли вверх, практически не допуская колебаний, достаточных хотя бы даже для того, чтобы перекрыть маржу в один пункт. Все играли на повышение и строили финансовые пирамиды,

и в новых экономических обстоятельствах бакет-шопы массово разорялись по всей стране.

Правила игры изменились. Раньше игра в старомодном стиле полулегальных бакет-шопов имела определенные преимущества перед спекуляциями в уважаемых брокерских фирмах. Во-первых, автоматическое закрытие позиций, когда убыток достигает размеров залога, является наилучшей формой стоп-лосса. Ты не можешь потерять больше, чем внес в качестве залога, не было опасности несвоевременного исполнения приказа и т. д. В Нью-Йорке бакет-шопы никогда так не либеральничали со своими клиентами, как это было в западных штатах. Например, они принудительно ограничивали возможный доход по некоторым акциям двумя пунктами. В их числе были акции Американской сахарной компании и Теннессийской угольно-стальной компании. Даже если их курс поднимался на 10 пунктов за десять минут, вы по одной квитанции могли получить только за два пункта. Нью-йоркские бакет-шопы считали, что клиентам будет слишком жирно рисковать одним долларом, а выигрывать десять. Временами случалось, что все такие заведения, даже самые крупные, вообще отказывались принимать заявки на какие-то акции. В 1900 году, накануне президентских выборов, когда было предreshено, что победит Маккинли, ни одно заведение в стране не допускало клиентов к покупке акций. Шансы на победу Маккинли оценивались как три к одному. Купив акции в понедельник, можно было не сомне-

ваться, что они вырастут минимум на три – шесть пунктов. Купив акции, можно было смело ставить на Брайана, и все равно остаться в выигрыше. Бакет-шопы в тот день ставки не принимали.

Если бы бакет-шопы не отказывались иметь со мной дело, я никогда не перестал бы в них играть. Но в таком случае никогда и не понял бы, что биржевые спекуляции не ограничиваются простой игрой на мгновенных колебаниях котировок на несколько пунктов.

Глава III

Чтобы извлечь уроки из всех своих ошибок, нужно много времени. Говорят, что у всего на свете есть две стороны. Но у фондового рынка сторона только одна. Всегда нужно принимать не сторону «быков» и не сторону «медведей»; всегда нужно принимать правильную сторону. На то, чтобы понять и утвердить в сознании этот общий принцип, мне потребовалось больше сил и времени, чем на то, чтобы овладеть различными техническими приемами спекулятивной игры на бирже.

Я слышал о людях, которые развлечения ради проводят воображаемые операции на бирже, вкладывая в них воображаемые доллары и таким образом утверждаясь в собственной воображаемой правоте. Иногда в этой призрачной игре зарабатываются воображаемые миллионы. В воображении легко быть дерзким и бесстрашным. Это похоже на старый анекдот про человека, которому на следующий день предстояла дуэль.

– Вы хорошо стреляете? – спрашивает его секундант.

– Я с двадцати шагов могу попасть в ножку бокала, – отвечает дуэлянт без ложной скромности.

– Прекрасно, – бесстрастно возражает секундант, – но сможете ли вы попасть в ножку бокала, в то время как этот бокал держит заряженный пистолет и целится вам прямо в

сердце?

Я всегда считал необходимым подкреплять свое мнение собственными деньгами. Неудачи научили меня тому, что атаковать следует, только если ты абсолютно уверен, что тебе не придется спасаться бегством. Если же такой уверенности нет, лучше вообще не двигаться. Сказанное не означает, что человек не должен пытаться ограничить свои потери, если все-таки ошибся. Должен. Но это не должно приучать его к нерешительности. Я всю жизнь допускал ошибки, но, теряя деньги, приобретал опыт и накапливал чрезвычайно полезные знания о том, чего делать не следует. Я дочиста разорялся несколько раз, но мои неудачи никогда не были полными. В противном случае я не был бы тем, кем являюсь ныне. Я всегда понимал, что у меня обязательно будет другой шанс и второй раз я ту же самую ошибку не совершу. Я верил в себя.

Если человек надеется преуспеть в этой игре, он должен верить в себя и свое здравомыслие. Вот почему я не верю в советы и подсказки. Если я купил акции по совету Смита, то и продавать эти акции я должен по его совету. Я попадаю в зависимость от него. А что, если он будет в отъезде как раз тогда, когда придет время продавать? Нет, чужим умом разбогатеть нельзя. Я по собственному опыту знаю, что ничьи подсказки не принесут мне больше денег, чем мой собственный ум. Мне потребовалось пять лет, чтобы научиться играть с умом и зарабатывать большие деньги в тех случаях, когда я оказывался прав.

В моей жизни было не так уж много интересных событий. По большому счету, процесс обучения искусству биржевых спекуляций выглядит не столь уж драматичным. Да, я несколько раз терял все, что имел, и это всегда очень неприятно, но в данном смысле я ничем не отличался от всех тех, кому приходится терять деньги на Уолл-стрит. Биржевая спекулятивная игра – это тяжелое и изнурительное занятие, и трейдер должен постоянно находиться на своем рабочем месте, иначе он скоро окажется без работы.

Моя задача, как я сумел понять после нескольких неудачных операций в конторе Фуллертона, была очень проста – научиться смотреть на спекуляции под другим углом. Но тогда я не знал, что в этой игре много нюансов, о которых я и не подозревал, играя в бакет-шопах. В то же время умение читать тикерную ленту, которое я развил в себе и от которого зависел успех моей игры в бакет-шопах, а также постоянная тренировка памяти оказались чрезвычайно полезными качествами и в дальнейшем. То и другое далось мне легко. Своими первыми успехами в биржевых играх я обязан именно этим качествам, а вовсе не своему уму и знаниям, потому что на самом деле мой ум был недостаточно натренирован, а мое невежество не знало границ. Играть меня учила сама игра. И в процессе обучения не жалела розог.

Хорошо помню свой первый день в Нью-Йорке. Я уже рассказывал о том, как бакет-шопы, отказав мне в праве играть у них, подтолкнули меня к поискам почтенной брокерской

фирмы, где я мог бы спокойно заниматься любимым делом. Один из мальчишек в конторе, где я начинал свой трудовой путь, работал на фирму Harding Brothers, которая была зарегистрирована на Нью-Йоркской фондовой бирже. Я приехал в Нью-Йорк утром и еще до часа дня открыл в этой фирме брокерский счет. Я был готов приступить к торговле.

Не стоит и объяснять, что я с самого начала пытался вести в новых условиях точно такую же игру, какую вел в бакет-шопах, то есть пытался играть на мелких колебаниях котировок, предугадывать и ловить мелкие, но верные изменения цен. Не нашлось никого, кто указал бы мне, что здесь действуют другие правила игры, кто наставил бы меня на правильный путь. Да если бы даже кто-то сказал мне, что мой метод здесь работать не будет, я все равно постарался бы удостовериться в этом сам, потому что доказать мне мою неправоту может только проигрыш. И прав я оказываюсь только тогда, когда выигрываю. Таковы особенности спекулятивной игры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.